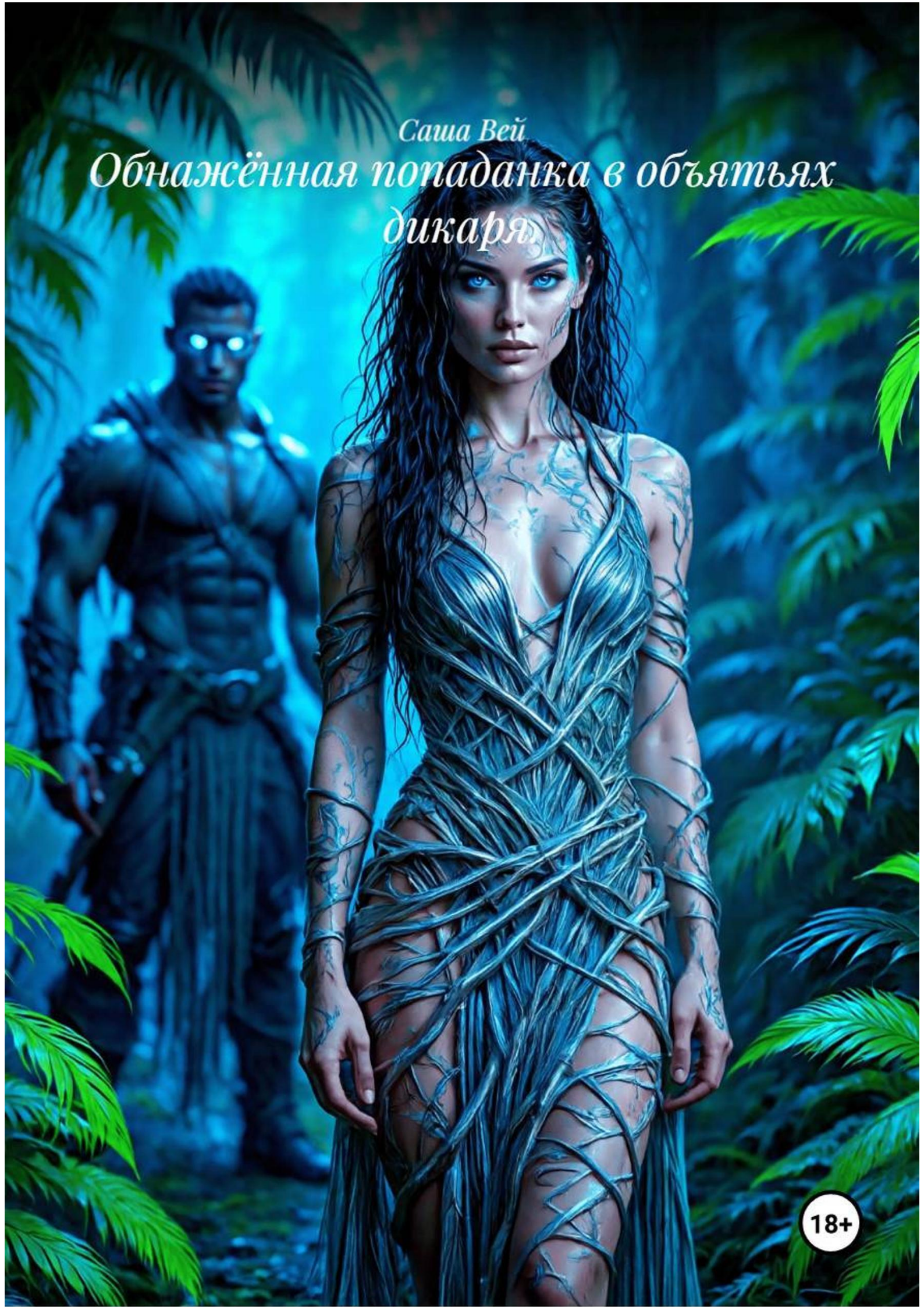

Саша Вей
*Обнажённая попаданка в объятьях
дикаря*

18+

Саша Вей

**Обнажённая попаданка
в объятьях дикаря.**

«Автор»

2026

Вей С.

Обнажённая попаданка в объятых дикаря. / С. Вей — «Автор», 2026

Очнувшись голой в лесу, я ничего не помнила. За мной гнались неизвестные Лес не убил меня. Он подарил мне Кайра. Бронзовокожий дикарь с глазами хищника, стал моим спасением. Он научил меня выживать, но главное — он научил меня чувствовать. В его грубых, обжигающих объятиях на ковре из влажного мха моя покорность сгорела дотла, уступив место первобытной, ненасытной страсти. Я узнала, что значит быть настоящей женщиной, и стала королевой дикого племени. В книге Вас ждут: Горячий и властный герой-дикарь Одержимый и пугающе притягательный злодей (любовный треугольник) Очень откровенные и чувственные сцены (18+) Выживание в дикой природе Сильная героиня, которая берет судьбу в свои руки Осторожно: история вызывает привыкание и учащенное сердцебиение.

© Вей С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Саша Вей

Обнажённая попаданка в объятьях дикаря.

Глава 1.

Холод прошил тело раньше, чем к ней вернулось сознание. Не обжигающий, а въедливый, сырой холод земли, который медленно вытягивал тепло из каждой клетки.

Она резко распахнула глаза, подавив инстинктивный крик. Воздух со свистом ворвался в легкие, словно она только что вынырнула из ледяной воды. Первое, что ударило по органам чувств — это запах. Густой, дурманящий аромат прелой листвы, влажного папоротника, сладковатой смолы и диких, незнакомых цветов. Запах был слишком густым, почти осязаемым.

Она попыталась сесть, и в этот момент мозг взорвался первой, парализующей мыслью-вспышкой: «на ней ничего нет.»

Кожа горела от соприкосновения с грубым, влажным изумрудным мхом. Девушка судорожно обхватила себя руками, подтягивая колени к груди. Ни рубашки. Ни белья. Ни обуви. Абсолютная, первобытная нагота. Но шок от этого открытия померк перед следующим, куда более страшным осознанием, которое рухнуло на нее, как бетонная плита.

Она не помнила своего имени.

Паника, острая и безжалостная, впиалась в горло когтями. Девушка зажмурилась, пытаясь нащупать в темноте своего разума хоть что-то. Лицо матери? Номер телефона? Марку машины? Последнее воспоминание? Ничего. Там была лишь зияющая, оглушительная пустота. Черная дыра, поглотившая всю ее жизнь до этой самой секунды. Она была чистым листом, куском дрожащей плоти, выброшенным в этот мир.

Но что это был за мир?

Она открыла глаза и огляделась. Пейзаж вокруг казался галлюцинацией, безумной картиной художника-сюрреалиста. Это был лес, но лес невозможный, сказочный. Гигантские деревья с корой цвета темного серебра уходили стволами высоко в небо, где их кроны сплетались в плотный золотисто-зеленый купол. Сквозь листву пробивались густые, театральные лучи света, подсвечивая парящие в воздухе пылинки, похожие на золотую пыльцу. У корней деревьев цвели огромные бутоны неоновосиних и пурпурных оттенков. Все вокруг дышало невероятной, избыточной красотой.

И эта красота была пугающей. В ней крылся парадокс: идеальная, глянцевая декорация сказки братьев Гримм и она — абсолютно беззащитная, дрожащая от холода, лишенная прошлого и понимания того, как она здесь очутилась.

Жажда. Она была такой невыносимой, словно кто-то насыпал в гортань толченого стекла. Инстинкт выживания, более древний, чем память, заставил ее подняться на ноги. Земля под босыми ступнями пружинила. Каждый шаг отдавался легкой болью — мягкая кожа не привыкла к лесной подстилке.

Где-то слева послышался мелодичный, хрустальный перезвон воды. Девушка пошла на звук, инстинктивно прячась за широкими стволами серебряных исполинов. Ее тело двигалось грациозно, несмотря на дрожь. Через пару десятков метров деревья расступились, открывая вид на небольшой ручей с водой такой невероятной чистоты, что казалось, будто камни на дне лежат на воздухе.

Она упала на колени, не заботясь о том, что острые камешки впиваются в кожу, и припала губами к ледяной струе. Вода обжигала, принося экстатическое облегчение. Она пила жадно, как животное, захлебываясь и глотая воздух.

Утолив первую жажду, девушка замерла, глядя на водную гладь. Течение немного замедлилось в небольшой заводи, образуя природное зеркало. Оттуда на нее смотрела незнакомка.

Это было лицо поразительной, почти пугающей симметрии. Высокие скулы, чувственные, слегка припухшие губы, огромные глаза невероятного, глубокого цвета — то ли грозового неба, то ли темного сапфира. Густые волосы спадали на плечи запутанными, но блестящими волнами. Ее тело, отражавшееся в воде, было безупречным: точеная фигура, гладкая кожа без единого шрама, родинки или татуировки. Никаких следов прошлого. Никаких зацепок. Она выглядела так, словно ее только что создали в какой-то лаборатории и выпустили в этот лес.

«Кто я? И почему я здесь в таком виде?» — вопрос пульсировал в висках, отдаваясь болью.

Внезапно идиллическую тишину леса разорвал звук.

Хруст. Сухой, чужеродный. За ним последовал приглушенный мужской голос. Затем еще один.

Сердце девушки подпрыгнуло к горлу, а затем забилось в бешеном ритме. Люди! Волна горячего облегчения затопила ее с головой. Где люди — там помощь. Там одежда, чтобы прикрыть эту унижительную наготу. Там полиция, врачи, кто-то, кто объяснит, что с ней произошло.

Она вскочила на ноги, готовая броситься навстречу голосам и закричать: «Помогите! Я здесь!».

Но что-то ее остановило. Какой-то древний, рептильный участок мозга, отвечающий за выживание, ударил по тормозам. Волоски на руках встали дыбом. Шестое чувство, интуиция жертвы, заставило ее сжать челюсти и проглотить готовый сорваться крик. «Сначала посмотри. Просто посмотри».

Пригнувшись, стараясь слиться с папоротниками, она бесшумно двинулась в сторону голосов. Земля холодила босые ноги, колючие ветки кустарников царапали нежную кожу бедер и плеч, оставляя тонкие красные полосы, но она не обращала на это внимания. Обогнув гигантский поваленный ствол, поросший светящимся мхом, она выглянула из-за его вывернутых корней.

В метрах пятидесяти от нее, на небольшой поляне, находились люди.

Четверо мужчин.

Улыбка облегчения, едва успевшая появиться на ее губах, мгновенно растаяла, сменившись ледяным ужасом. Всё в этих людях кричало о неправильности. Это не были грибники, заблудившиеся туристы или спасатели.

Они были одеты в странную, однотипную униформу из плотного темного материала, не отражающего свет. Никаких опознавательных знаков, никаких ярких жилетов. На их лицах были закреплены маски-респираторы, закрывающие нижнюю челюсть, а на глазах — массивные очки с желтыми стеклами. Они двигались не как люди, гуляющие по лесу. Они двигались как хищники, прочесывающие территорию. Синхронно. Методично. Бесшумно.

Девушка всмотрелась в то, что они держали в руках. Это не были винтовки или ружья. У одного в руках был длинный металлический шест с петлей на конце — похожий на те, которыми отлавливают бешеных собак, только модернизированный, с искрящимися контактами электрошокера. Другой сжимал массивное устройство, напоминающее сеть-ружье. Третий нес металлический кофр.

Они кого-то искали. И этот «кто-то» был объектом охоты.

Один из мужчин поднял руку, сжатую в кулак, и группа мгновенно замерла. Он указал на землю. Девушка проследила за направлением его пальца в желтой перчатке. Там, на мягком мху, четко отпечатался след маленькой босой ноги. Ее след.

Мужчина поднял голову, и сквозь желтые линзы очков посмотрел прямо в ту сторону, где она пряталась.

Время остановилось. Воздух стал густым, как патока. В этот момент, пятясь назад в инстинктивном ужасе, она совершила роковую ошибку. Ее пятка опустилась на сухую, хрупкую ветку, спрятанную под слоем опавших листьев.

Хрусь.

Звук показался ей громче пистолетного выстрела.

Все четверо мужчин синхронно, как по команде, повернули головы в ее сторону. На долю секунды повисла мертвая тишина, нарушаемая лишь шелестом сказочной листвы. А затем один из них, тот, что с электро-петлей, коротко бросил в рацию на плече:

— Объект обнаружен. Квадрат семь. Брать живой. Повторяю: повреждения недопустимы.

Слово «объект» ударило ее как хлыст.

И они рванулись к ней.

Девушка развернулась и побежала. Адреналин ударил в кровь раскаленной лавой. Мир вокруг смазлся в зелено-золотую карусель. Она неслась сквозь чащу, не разбирая дороги. Папоротники хлестали по голым ногам, острые сучья рвали кожу на руках и груди, но боли не было — только всепоглощающий, слепой животный страх.

Она прыгнула через ручей, поскользнулась на мокром камне, больно ударилась коленом, но мгновенно вскочила, даже не потеряв темпа. Легкие горели, дыхание вырывалось из горла хриплым свистом.

Позади нее раздавался тяжелый, ритмичный топот кованых ботинок. Они были быстры. Пугающе быстры. И, что было самым страшным, они не кричали ей «Стой!» или «Будем стрелять!». Охота шла в абсолютном, зловещем молчании, нарушаемом лишь треском ломающихся веток и короткими переключками с помощью электронных щелчков.

Она петляла между гигантскими серебряными стволами, словно загнанная лань. Очередная ветка хлестнула ее по лицу, оставив кровоточащий сад на щеке. Девушка бросила быстрый взгляд через плечо.

Двое мужчин заходили слева, отрезая ей путь к густым зарослям, пытаясь выгнать ее на открытое пространство. Третий не отставал ни на шаг, находясь всего в двадцати метрах позади. Он на бегу вскинул свое устройство, похожее на ружье.

Она инстинктивно пригнулась, ожидая выстрела, боли, смерти.

Раздался глухой хлопок. Над ее головой со свистом пролетело что-то тяжелое, и в следующее мгновение в ствол дерева впереди врезалась прочная кевларовая сеть, опутанная магнитными грузилами. Если бы она не пригнулась, эта сеть сейчас сковала бы ее тело.

Она резко сменила направление, бросившись вправо, вверх по склону, усыпанному скользкими корнями. Пальцы ног впивались в землю, оставляя кровавые следы.

Именно в этот момент, задыхаясь от бега, на грани потери сознания от ужаса и физического истощения, она осознала самую жуткую деталь этой погони.

У них наверняка было огнестрельное оружие. У них могли быть дротики с транквилизаторами, которые легко остановили бы ее на таком расстоянии. Но они не использовали ничего, что могло бы ранить ее, проткнуть кожу или оставить глубокий шрам. Они гнали ее, рискуя упустить, только ради того, чтобы сохранить в идеальном состоянии.

«Повреждения недопустимы», — эхом прозвучал в голове механический голос охотника.

Она для них — не человек. Она — вещь. Ценный, хрупкий товар. Груз. Или, что еще хуже, идеальный сосуд для чего-то неведомого.

Ноги начали отказывать, когда впереди показался просвет между деревьями. Склон заканчивался обрывом. Шум водопада, которого она не слышала из-за стука собственного сердца, теперь оглушал.

Она выбежала на край скалистого уступа и резко затормозила. Камни полетели вниз, в пенящуюся бездну, где в сотне футов ниже бурлила вода. Тупик.

Она обернулась, тяжело дыша, прикрывая обнаженную грудь руками, по которым струилась кровь от царапин.

Из чащи медленно, словно наслаждаясь моментом, вышли четверо преследователей. Они не стали бросаться на нее. Они выстроились полукругом, перекрывая единственный путь к отступлению. Тот, что был с электро-петлей, сделал шаг вперед. Он потянулся к своей маске, щелкнул фиксатором и снял ее, открывая молодое, пугающе спокойное лицо. На его губах играла легкая, почти сочувствующая улыбка.

— Не нужно прыгать, Ева, — сказал он бархатным, гипнотическим голосом, от которого по спине побежали ледяные мурашки. — Ты стоила нам слишком дорого, чтобы вот так просто разбиться. Твой новый владелец будет очень расстроен.

Он назвал ее Евой. Но она знала, чувствовала каждой клеткой своего дрожащего тела — это не ее имя.

Мужчина сделал еще один шаг к ней, поднимая руки в примирительном жесте, в то время как остальные трое медленно поднимали сети.

Ее босая нога скользнула по влажному камню на самом краю обрыва. Внизу редела смертоносная бездна. Впереди надвигалась участь, которая, очевидно, была страшнее смерти. Ей не оставили выбора, кроме одного. И вопрос был лишь в том, кому на самом деле принадлежит это тело, которое они так отчаянно хотят заполучить.

Она посмотрела мужчине прямо в глаза, читая в них внезапно вспыхнувшую панику, и сделала прыжок назад.

Удар воды оказался похож на столкновение с бетонной стеной. Ледяная, пенящаяся бездна сомкнулась над ней, мгновенно выбив из легких остатки воздуха. Течение под водопадом было бешеным, оно крутило ее, как тряпичную куклу, бросая на острые подводные камни. Боль вспыхнула в плече и бедре, но страх перед тем, что происходило наверху, был сильнее. Она инстинктивно боролась, гребя руками, пока легкие не начали гореть адским огнем, требуя кислорода. Сознание меркло, края зрения застилала черная пелена.

Внезапно сильная рука обхватила ее талию, жестко, но уверенно притягивая к себе. Она дернулась, пытаясь ударить, но другая рука легкая, как стальная пружина, зажала ей рот и нос, направляя голову вверх. Рывок — и она жадно плотнула воздух, захлебываясь и кашляя. Их несло течением, прочь от отвесной скалы, в темный, узкий тоннель, скрытый за стеной падающей воды.

Последнее, что она запомнила, был слабый, голубоватый свет и запах сырой земли, прежде чем тьма окончательно поглотила ее.

Она очнулась от тепла и треска сухого хвороста.

Первой мыслью было: «Я в аду». Но боль в теле, хотя и тупая, ноющая, не походила на муки ада. Она открыла глаза. Над ней нависал низкий, копченый потолок из природного камня. Они находились в пещере, надежно скрытой за ревущей стеной водопада. Шум воды приглушался толщами горной породы, превращаясь в монотонный, убаюкивающий гул.

Девушка попыталась сесть и тут же зашипела от простреливающей боли в ребрах. Она лежала на мягкой подстилке из сухого, сладко пахнущего мха и шкур неизвестных животных. На ней была накинута широкая, грубо выделанная шкура, укрывавшая ее обнаженное, покрытое синяками и ссадинами тело.

— Не двигайся. Ребра ушибла, но не сломаны, — раздался голос.

Она резко вскинула голову. У стены, у небольшого, почти бездымного костра, сидел парень.

Он выглядел так, словно был соткан из самого этого первобытного леса. Его кожа, темная от загара и покрытая тонкими, изящными рисунками, напоминающими переплетение корней и листьев, была испещрена мелкими царапинами. На нем не было ничего, кроме набедренной повязки из плотной, матовой кожи какого-то зверя, перехваченной плетеным шнурком

с костяными амулетами. Длинные, спутанные волосы цвета воронова крыла падали на лицо, но, когда он повернулся к ней, она увидела его глаза. Они были огромными, с вертикальным, словно у хищника, зрачком и радужкой цвета расплавленного янтаря.

— Кто ты? — ее голос прозвучал как ржавый скрип. Горло саднило. — Ты один из них?

Парень усмехнулся. Улыбка была кривой, горькой и отчего-то очень знакомой. В ней было столько же безысходности, сколько она сама чувствовала в себе.

— Если бы я был одним из них, ты бы уже очнулась в стеклянной колбе или на стальном столе, — он бросил в огонь горсть синеватых листьев, и пламя сменило цвет на спокойный, изумрудный. — Я тот, кого они тоже ищут. Уже три луны.

Он встал, и ее взгляд невольно скользнул по его фигуре — жилистой, сильной, с рельефом мышц, выточенным постоянной борьбой за выживание. На поясе у него висел короткий, изогнутый клинок из темного, почти черного металла и пара метательных ножей.

Парень подошел к ней и протянул деревянную чашу с прозрачной жидкостью.

— Пей. Это вытянет воду из легких и успокоит боль.

Она колебалась долю секунды. Инстинкт самосохранения кричал, что нельзя доверять никому в этом безумном мире. Но жажда и то, как спокойно и уверенно смотрели его янтарные глаза, перевесили. Она жадно выпила отвар. Вкус был горьким, травянистым, но по телу тут же разлилась приятная, согревающая истома.

— Спасибо, — выдохнула она, крепче укутываясь в шкуру. — Почему ты помог мне?

— Потому что Псы Жнецов гонятся и за мной, — он сел на корточки напротив, обхватив колени. — И потому что я слышал их крики наверху. Они говорили, что нашли «Еву».

При этом имени она вздрогнула.

— Это не мое имя. Я... я не помню ничего. Совсем.

Парень кивнул, будто она сказала что-то вполне обыденное.

— Я знаю. Они всегда стирают память у тех, кого готовят для «Перевода». Ты для них не человек, Небесная. Ты — сосуд. Идеальный, чистый, нетронутый. Поэтому они так боялись, что ты разобьешься о камни.

— Небесная? — эхом переспросила она.

— Ты упала с Небесного уступа, — он махнул рукой в сторону потолка, за которым ревела вода. — Меня зовут Кайр. Я из племени Тенелистовов. Мы прячемся от Жнецов с тех пор, как они начали строить свои черные башни на священных землях. Они охотятся за нами, чтобы использовать нашу кровь для своих машин. Но тебя... тебя они хотят забрать живой. Целой.

Кайр обвел рукой пещеру. Только сейчас она заметила, что это не просто случайная нора. В нишах камня стояли глиняные кувшины, висели связки сушеных трав и странные, светящиеся в полумраке грибы. В углу лежал свернутый лук из гибкого, серебряного дерева и колчан с оперенными стрелами. Это было убежище воина. Оазис посреди сюрреалистичного кошмара.

— Здесь они нас не найдут, — тихо сказал Кайр, глядя на огонь. — Их ищейки слепы и глухи за шумом водопада, а их черные одежды не способны пройти сквозь магию падающей воды. Мы в безопасности. Пока что.

Она смотрела на этого дикого, прекрасного и опасного парня в набедренной повязке, который стал ее единственным якорем в этом мире. Пустота в ее голове все еще зияла черной дырой, но впервые за последние часы животный ужас отступил, уступив место холодной, кристаллизовавшейся решимости.

Они загнали ее в угол. Они хотели сделать ее вещью.

Она сжала пальцами край грубой шкуры, чувствуя, как под тонкой кожей пульсирует кровь.

— Научи меня, — произнесла она, и ее голос, еще недавно дрожащий, теперь звенел как натянутая тетива. — Научи меня выживать в этом лесу, Кайр. Я не позволю им вернуть меня.

Кайр медленно поднял на нее глаза. В янтарной глубине его зрачков вспыхнул опасный, первобытный огонь. Он кивнул.

— Тогда завтра, когда солнце коснется серебряных крон, ты начнешь умирать, чтобы родиться заново.

Глава 2.

Эта ночь стала для нее первым уроком. Уроком, который начался не с выживания, а с познания собственного естества.

Когда Кайр уснул, свернувшись клубок на жестких шкурах, она осталась наедине с пульсирующим мраком пещеры и тихим рокотом воды. Боль в ребрах отступила, сменившись странной, тягучей истомой. Она была «Евой» — чистым листом, пустой оболочкой, созданной для чужих, холодных целей. Но сейчас, в мерцающем свете тлеющих изумрудных углей, эта оболочка начала оживать.

Она медленно откинула грубую шкуру, позволив прохладному влажному воздуху коснуться ее обнаженной кожи. Не было ни стыда, ни страха — эти социальные конструкты, очевидно, стерлись вместе с ее памятью. Осталась лишь чистая, незамутненная физиология. Она провела кончиками пальцев по своей ключице, спускаясь ниже, к ложбинке между упругими грудями. Кожа была гладкой, как шелк, но теперь на ней появились отметины этого мира: царапины, багровые синяки, засохшие капли грязи. И каждая эта отметина казалась ей не изъяном, а первым словом, написанным на ее чистом листе. Она дышала, она чувствовала боль, а значит, она принадлежала себе.

Ее взгляд скользнул по спящему Кайру. Его тело было гимном животной грации. В свете углей рельеф его мышц казался высеченным из темного мрамора, а татуировки переплетались, словно живые лианы, дышащие в такт его глубокому сну. Он был мужчиной в самом первобытном, неискаженном смысле этого слова — опасным, свободным, не знающим оков цивилизации. От него исходил терпкий, волнующий запах мускуса, смолы и дикого меда. Этот запах пробуждал в ней что-то темное, властное, спящее на самом дне ее генетического кода.

«Умирать, чтобы родиться заново», — прошептала она его слова, как молитву, и закрыла глаза.

Утро началось с прикосновения. Жесткие, мозолистые пальцы мазнули по ее щеке чем-то холодным и вязким. Она распахнула глаза. Кайр сидел над ней, держа в руке чашу с густой, пахнущей железом и травами грязью.

— Твоя кожа светится в темноте леса, Небесная, — его голос был низким, вибрирующим, проникающим прямо под кожу. — Жнецы увидят тебя за милю. Мы должны скрыть твою чистоту.

Она не отстранилась. Она послушно приподнялась, позволяя ему продолжить. Это был странный, почти сакральный ритуал. Кайр набирал глину на пальцы и широкими, уверенными мазками наносил ее на тело девушки. Он покрыл ее шею, плечи, медленно и неотвратно спускаясь к груди. Его прикосновения были лишены грубости, но в них сквозила уверенность собственника, знающего цену каждому миллиметру живой плоти. Глина холодила разгоряченную кожу, но там, где скользили его пальцы, оставался обжигающий, пульсирующий след.

Когда он обмазывал ее бедра и живот, ее дыхание сбилось, превратившись в прерывистые, тяжелые вздохи. Она смотрела в его янтарные глаза, и в них не было ни насмешки, ни похоти — лишь глубокое, пронизывающее понимание. Он не просто маскировал ее от врагов; он стирал ту глянцевою, идеальную куклу, которую искали Псы Жнецов, и лепил из нее женщину этого леса — дикую, грязную, живую.

— Теперь ты пахнешь землей. «Пахнешь жизнью», — прошептал он, когда его ладони в последний раз скользнули по ее бокам, оставляя темные разводы.

Тренировка, о которой он говорил, оказалась не чередой физических упражнений, а полным погружением в симфонию первобытных чувств. Они вышли из пещеры, пройдя сквозь тайный лаз за водопадом, и лес поглотил их.

Кайр учил ее ступать так, чтобы переносить вес на внешнюю сторону стопы, не ломая ни единой ветки. Он учил ее слушать лес не ушами, а кожей: чувствовать изменение плотности воздуха, влажность, приносящую запахи чужаков. Это было невыносимо тяжело. Непривычные мышцы горели огнем, ступни кровоточили, сбитые о корни, но с каждым часом в ней просыпалась опьяняющая, дикая радость. Она пила воду из свернутых листьев, слизывала сладкий сок с надломленных стеблей, и каждый вкус казался ей откровением, взрывом на рецепторах.

К полудню они остановились в зарослях гигантского папоротника, чьи листья отливали пурпуром. Вдалеке, за несколько лиг от них, раздался знакомый, искусственный гул — Псы все еще прочесывали квадрат. Но здесь, в зеленом полумраке, время текло иначе.

Она без сил опустилась на мох, раскинув руки. Глина на ее теле подсохла, стягивая кожу, смешавшись с потом и кровью из мелких царапин. Она была истощена до предела, но никогда еще не чувствовала себя настолько живой.

Кайр опустился рядом. Он молча достал из поясной сумки небольшую флягу и протянул ей. Когда она пила, капли воды стекали по ее подбородку, прокладывая светлые дорожки на темной глине. Он следил за этой водой тяжелым, потемневшим взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.